

МАЛХАЗ ДЖАДЖАНИДЗЕ
АРТУР ЮРКЕВИЧ

ОРМЕДЕЯ

ТАЙНА ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ

ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2020

1

Она паковала дорожный чемодан с таким усердием, что, казалось, не замечала ничего вокруг. Трупом занялась, лишь напоследок оглядев собранное — сверху лежал завернутый в салфетку бокал — и застегнув молнию. Сев на диван, оттеснила безжизненное тело, и голова женщины скосилась. Тогда она хладнокровно, несколько грубо повернула ее лицо обратно и, держа пальцами за подбородок, взялась его изучать: оценивающе, жадно, как саму себя.

Обе и вправду были полны сестринской схожести, напоминая разные края яблока. Впрочем, умершая выглядела на несколько лет старше, но это скорее смерть уже наложила отпечаток на ее внешность.

Исказив свою бесстрастную, холодную красоту тенью злой ухмылки, девушка подалась вперед. Можно было подумать, она хочет поцеловать свое отражение. Но вместо этого она запустила руку в волосы покойной и вытащила серебряную спицу со шляпкой-медузой с одного конца. Рассыпавшиеся локоны сами стали подушкой для упавшей на них головы. А юная особа с помощью заколки скопировала прическу, в задумчивости провела большим пальцем по еще не начавшим темнеть мертвым губам и поднялась.

Стоя у зеркала, энергично стерла яркую помаду. Теперь они были почти неразличимы. При желании можно было воссоздать и родинку со скулы мертвого двой-

ника, но сейчас это было излишне: нужно было скорей уходить.

* * *

— Со своей закуской? Молодцы! — обрадовался сторож двум шоти¹ в руках Дато, хотя тот ничего такого не имел в виду. Не значась в числе самых прилежных студентов университета Джавахишвили², Дато позволял себе разное, но так бесстыдно помыкать людьми... Нет, не таким он был парнем. Теплый хлеб в подвальчике на Вере³ Дато взял в память об осенних вечерах, когда рано темнело и они с Мари и остальными гуляли после лекций: уложенный под куртку шоти согревал и казался вкуснее, чем если его делили сразу.

И все же порыв старика заставил Дато внутренне возликовать. По пути на винный завод он все гадал, выйдет ли и сегодня отметить день рождения Мари.

Они праздновали уже неделю, начав в Батуми, куда отправились за образцами вина «Чхавери» для анализа. «Содержание цезия и свинца в грузинских винах», — звучала тема их с Мари научной работы. Лучшего предложения проводить время с той, с которой Дато только и мечтал быть вдвоем, и выдумать было нельзя. Третья весна шла с тех пор, как он впервые увидел ее на вступительных экзаменах, а все не решался открыть свои чувства.

«В этой поездке все решится!» — обещал себе Дато, трясясь вместе с Мари в автобусе в сторону Батуми. По приезде, узнав о ее дне рождения, он явил первое чудо.

¹ *Шоти* — пресный белый хлеб удлиненной формы.

² *Университет Джавахишвили* — Тбилисский государственный университет, основан в 1918 году, назван в честь одного из основателей, историка Иванэ Джавахишвили (1876—1940).

³ *Вера* — район в центре Тбилиси; название получил от реки Вера.

— Проси что хочешь, а помоги! — умолял он смотрителя колеса обозрения в приморском парке. — У нее праздник, а денег — ноль. Запусти колесо, а? Хочешь, пусть одна едет!

— И вправду день рождения? — колебался вахтер.

— Клянусь твоим братством! Мы студенты, химфак университета Джавахишвили. Нас за образцами вина отправили, а деньгами не снабдили... Ну не могу я лицом в грязь ударить!

— Любишь ее?

— Больше жизни!

Вскоре открытая люлька замерла в верхней точке аттракциона, и восторженный крик Мари огласил высокое небо двухэтажного города. Дато улыбался и дивился тому, как вмиг потускнели первые звезды на фоне глаз самой красивой девушки в целом свете.

Второе чудо случилось, когда молодые люди искали ночлег. Выйдя советами прохожих к гостевому дому в частном секторе, они обнаружили мужчину, запиравшего ворота.

— Не работаем, — бросил он, садясь в машину, — приходите в сезон.

— Мы к вам из самого Тбилиси, у девушки день рождения... — привычно начал Дато.

Стоило Мари выйти на свет фонаря, как хмурое лицо незнакомца разгладилось:

— Раз такое дело, я вас голодными не отпущу! В этой гостинице я директор.

Через полчаса дом светился огнями, заспанный персонал готовил ужин, прибежавшие по свистку официанты суетились у стола, а хозяин поднимал тосты за красоту именинницы. Дато не в первый раз отмечал, какой магией наделена внешность подруги. Кончилось тем, что

любезный владелец выделил гостям по комнате и был таков.

Озвученная Дато утром идея продолжить отмечать праздник возражений не встретила. Так у молодых людей появилась первая скрепляющая союз авантюра.

И теперь, когда сторож завода намекнул на застолье, Дато среагировал молниеносно:

— Удачно нас к вам прислали! Где ж еще день рождения отмечать!

— А у кого праздник?!

— Да вот, — указал Дато на Мари.

— Поздравляю! Быть тебе, дочка, такой красивой еще тысячу лет!

— И не стыдно человека обманывать? — сердито шептала Мари, пока вахтер вел их мимо огромных бочек, достававших до высоких сводчатых потолков.

— Ш-ш! Договорились неделю праздновать? Сегодня — последний день. А ему, — кивнул он на спину провожатого, — только дай повод. И вообще, не будь эгоисткой!

— В каком смысле?

— Думаешь, обманули мы? Да мы ему помогли! Дали повод душе через радость другого себя осчастливить!

Мари набрала было воздуха, чтобы возразить, но тут случился спуск по крутой лестнице, и они остановились. За решеткой в глубь галереи высокими рядами уходили уложенные одна поверх другой бутылки с вином. Каждый из траченных ржавчиной стеллажей вмещал не одну сотню пыльных, обвитых паутиной и плесенью сосудов.

— Наша сокровищница! — гордо заявил старик, звеня ключами. — Все, что от первых дней разлили, подарки-раритеты — все здесь.

— Сколько же здесь бутылок? — подивилась Мари.

2

Сторож не обманул: кладка в конце галереи редких вин рухнула с одного края, и стена, лишенная монументальности, казалась бумажной. Словно кто-то ухватил сбоку отставший уголок обоев, рванул книзу, и бумага разошлась на слои. Так сверху пролома выглядывала опора более низкого свода, уходившего за переднюю, устоявшую часть стены.

Мари осталась у пролома, Дато, пригнувшись, протиснулся внутрь.

— Ничего, — сообщил он, водя факелом, — голые стены, в одной — ниша. Кирпич тот же, а стены другие, вроде как из речных валунов... О, а это кстати!

— Что там? — взволнованно спросила Мари.

— Да будет свет! — заявил Дато, и вдруг в клетушке стало светло. — Они сюда на время розетку протянули и лампу оставили, — поднялся он на ноги. — Давай сюда!

— Это ты вылезай, мне и отсюда отлично видно.

— Ну чего сразу вылезай, — разочарованно озирался Дато по сторонам, надеясь увидеть хоть что-то, что свяжет пустое помещение с тайнами времен царя Горгасали.

— Пусто же. Бывшее помещение завода, которое замуровали, вот и все...

— Похоже на то...

— Вылезай, — подгоняла Мари, — еще рухнет кирпич на голову. Подпорки зачем ставили? Видишь, нет наверху нескольких...

— Что мы, зря шли? — примерялся Дато к одной из балок. Он жаждал реабилитироваться в глазах любимой, точно был виноват, что тайна оказалась пустышкой. Изготовившись, он с размаху дал ногой по одному брусу.

— Ты что делаешь, Дато?! С ума сошел?!

— Не волнуйся! Сейчас я ее выбью, сниму дверь с петель, и пойдем домой.

— Прекрати сейчас же! Выходи оттуда, или я больше с тобой не разговариваю!

— Возьми-ка, — сунул он факел в пролом. Махнув рукой на увещевания Мари, ударил еще. И снова. Не с первого раза, но брус поддался и гулко упал на каменные плиты.

— А что я говорю? — повернулся Дато. — Все будет в лучшем виде!

Он прошел в конец комнаты, взялся за балку и подскочил от грохота: в том месте, где он выбил подпорку, с потолка сорвался блок из кирпичей и с силой врезался в плиты. Дато краем глаза заметил падающий массив за секунды до удара и успел повернуться боком, спрятав лицо. Отлетевший скол кирпича больно достал ногу. В тишине и темноте — фонарь пал жертвой срикошетившего камня — прорезался крик Мари:

— Ты живой?! Тебя зашибло?! Не молчи!

Дато, вмиг отрезвев и нервно посмеиваясь, успокоил девушку. О чем тут же пожалел.

— Ты понимаешь, что мы натворили? Остатки храма Горгасали разрушили!

— Ты же говорила, это не храм...

— Как не храм, когда памятник, пятый век! Представляешь, как нам влетит?!